

Том 1(2)

ТРИ ТИПА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Г.С.Батыгин

Автор рассматривает эволюцию и основные характеристики различных типов социологического дискурса: социологические доктрины, социальные обследования, социологические исследования. Показаны взаимосвязи социологии и социального управления, обсуждаются вопросы методологии, эпистемологии социологической науки и профессионального статуса ученого.

Ключевые слова: социологическое знание, дискурс, социальная проблема, метод, нормы науки

1. Социологические доктрины

<.....> Корпус социологического знания включает в себя различные предметные области, стили мышления и идеологии. Многие из них несопоставимы друг с другом. В конгломерате, объединенном общим наименованием «социология», сосуществуют наука и идеология, логика и риторика, высокая абстракция и житейский опыт. Одни «социологии» основаны на умении убеждать и агитировать, другие стремятся доказывать свои истины, третьи ставят единственной целью сбор и обобщение данных. Некоторые социологи склонны к использованию выразительных возможностей языка, другие создают грандиозные функционально-аналитические системы. Джонатан Тернер, вероятно, высказался слишком безоговорочно, когда предположил, что социоло-

От редакции: Мы решили поместить этот материал, полагая его образцовым эпистемологическим анализом непростых взаимоотношений двух различных ролей социального ученого – роли исследователя и роли гражданина. Публикация представляет собой сокращенный вариант главы 1 из авторского учебника (Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологического исследования: учебник для студентов гуманитарных вузов и аспирантов. Аспект Пресс, 1995). В последние годы Г.С. Батыгин работал над вторым, исправленным и дополненным, изданием учебника. Мы выражаем признательность Л.А.Козловой, предоставившей текст для публикации (Прим.ред.).

гическая теория представляет собой словесный «образ общества», а не строго выстроенный ряд теоретических суждений, организованных в логически последовательную форму. Если принять это свидетельство в качестве оправдания «словесного» происхождения социологической теории, то придется изучать социологию в курсе литературоведения. Выход в том, чтобы, несмотря на словесные аранжировки, найти в социологии сферу применения объективного научного метода.

Отчетливое различие между научным и художественным способами получения и артикуляции социологического знания провести нелегко. Чаще всего научные суждения перемешаны с художественными метафорами, политическими клише или метафизическими рефлексиями. Однако за стилистическими контаминациями угадываются очертания вполне определенных интеллектуальных стилей. Если принять сентенцию Ролана Барта, что человек - это стиль, становится ясно: за типом социологического дискурса стоит тип социолога. Иоханн Галтунг указывает на два действующих в социологии персонажа: «рассказчик» (story-teller) и «строитель пирамид» (pyramid-builder) - мысль довольно рискованная, поскольку прямо ведет к культурмассовой полемике о «физиках» и «лириках» и, далее, о «левополушарных» и «правополушарных» субъектах. Все-таки критерии разделения лучше искать не в людях, а в содержании социологического знания.

Несмотря на видимое многообразие, в корпусе социологического знания можно выделить три доминирующих стиля или типа рассуждения. Первый тип представлен классическими социологическими доктринами, предлагающими различное толкование исторического процесса и развития общества как целого. Второй тип - социальные обследования, цель которых заключается в сборе и систематизации сведений о состоянии общественной жизни. Третий тип - социологические исследования, фокусированные на проверке гипотез.

Возникновение социологических доктрин принято связывать с именем Огюста Конта, который придумал необычное латино-греческое словосочетание «социология» для обозначения высшей науки об обществе. Роберт Мертон имеет основания считать эту терминологическую инновацию «самым ужасным гибридом, который когда-либо обозначал науку об обществе». Однако дело не в терминах. Нет никакого сомнения, что социологическая проблематика была широко представлена до Конта в воззрениях просветителей (например, одна из ключевых социологических идей - идея прогресса - была развита в сочинениях А. Тюрго, Ш. Монтескье, М. Кондорсе), основателей индуктивного научного метода (Ф. Бэкона, Д. Гоббса, Д. Локка), авторов различных утопических версий организации общества на разумных началах.

У истоков европейской социологической мысли стоят величественные учения древних, прежде всего Платона и Аристотеля, впервые в истории предложивших развернутую теорию общественного устройства и типов социальных объединений.

Потребовались столетия, чтобы учение об обществе - социология - стало отделяться от учения о праве и государстве (которое, как полагают, стоит над обществом), от экономических, этических и эстетических идей и, в конце концов, от философии и истории. Этот процесс обусловлен специализацией социологических направлений и применением экспериментальных методов к решению проблем, считавшихся ранее чисто философскими.

В современной социологии, дифференцированной на десятки специальностей, наметилась линия на воссоздание синкретической тео-

рии общества, выработку общих постулатов социологического знания. Однако в итоге вырисовывается чрезвычайно мозаичная картина мира, включающая многообразные культуры, идеологии и типы рациональности. Научной рациональности принадлежит в этой картине лишь одно из мест.

Каковы методологические особенности первого типа социологического дискурса? Общей чертой социологических доктрин является их *мировоззренческая установка*. В отличие от научного исследования, в фокусе доктрины находятся идеи предельной значимости, скажем, последние истины бытия. Предпоследние истины здесь обычно не обсуждаются. Например, одно из основных положений философии Конта о наступлении позитивного этапа развития человечества приобретает всемирно-историческое значение; отныне теологические и метафизические предрассудки должны быть отброшены во имя вновь открывшейся великой истины. Предопределившая содержание социологического учения К. Маркса и Ф. Энгельса идея всемирно-исторической миссии пролетариата выступает в качестве пророческого самореализующегося предсказания. Тезис Ж.-Ж. Руссо о репрессивной роли культуры и общественных институтов имел принципиальное значение для идеологии буржуазных революций.

Социологические доктрины пронизаны глубоко личным началом. Они являются не столько результатом систематического наблюдения или проверки предположений, сколько личным даром автора, который в этом отношении обретает призвание или претензию пророка. Именно поэтому аутентичное понимание социологических доктрин требует обращения к личной биографии автора, перипетиям его жизни и борьбы за утверждение своих идей.

Отсюда вытекает *уникальность* социологических доктрин, связанная с именем их основателя. Обычное научное знание должно удовлетворять требованию воспроизводимости при тех же инструментальных условиях. Результаты исследования остаются одними и теми же вне зависимости от того, кто его автор. Здесь же ситуация принципиально иная. Смысл, вкладываемый «отцом-основателем» в категории своего учения, известен в полном объеме лишь ему самому, благодаря эзотерическому проникновению в тайну мира. На долю адептов остается лишь расшифровывать и реконструировать подлинное содержание учения.

Причины возникновения доктринальных ересей, в том числе новых «парадигм», в немалой степени обусловлены *метафоричностью концептуального лексикона* оригинала. Например, последователи Маркса, вступившие в резкую конфронтацию друг с другом уже в конце XIX века, потратили много сил на выяснение смысла термина «диктатура пролетариата», а в 1950-е годы идея «социализма с человеческим лицом» сопрягалась с гуманистическими рефлексиями молодого Маркса. Знаменитое замечание В.И. Ленина на полях гегелевской «Науки логики» «Сознание не только отражает мир, но и творит его» послужило поводом для энергичных попыток внести антиматериалистические коррективы в марксистскую теорию познания. И каждая новая реконструкция создает новую уникальную версию учения. Отсюда, в частности, следует, что социологическую доктрину можно только принять вместе с ее топикой и риторикой; можно поверить в нее, но нельзя освоить как средство объяснения изучаемого фрагмен-

та действительности. Ведь в буквальном смысле «доктрина» - не столько учение, сколько поучение.

Следующая характерная черта социологических доктрин - критический амелиоризм, т. е. стремление к улучшению социальной ситуации. Часто развертывание доктринальных идей сопряжено с требованием переустройства «плохого» мира по заданному «хорошему» образцу. Исключения составляют теории созерцательного плана, либо имеющие выраженную реакционно-консервативную направленность. Например, идея Жозефа де Местра о страхе как основе социального порядка и священной миссии палача трудно интерпретировать в амелиористском ключе. Иногда амелиористские требования выступают в виде салонного вольнодумства по поводу несоответствия существующего порядка «естественному праву», иногда - в виде реформаторского энтузиазма (стремления улучшить ситуацию без ее кардинальных изменений), а бывает - влекут за собой «критику оружием». Убеждение, таким образом, более или менее удачно сочетается с принуждением. Овладев «оружием критики», социологические учения переходят к разоблачению общественных институтов, чтобы показать их неразумность и, следовательно, неестественность.

В XVIII веке социальная наука требовала, чтобы архаичные институты и весь старый порядок были заменены новым порядком, более разумным и естественным. Завершение создания нового порядка, как предполагалось, будет демонстрацией истинности теории. Критическая социальная установка нашла выражение в строе мысли, который И.С. Тургенев назвал нигилизмом. Отличительной чертой нигилизма был отказ от предрассудков, привычек и обычаев, существования которых разум не мог оправдать в качестве «естественных» начал. Нигилизм признавал только один авторитет - разум, он отвергал все, что составляет условную ложь культурной жизни и противопоставил им абсолютную искренность.

Пророческий пафос доктринальной социологии сближает ее с религиозно-миссионерской деятельностью. Это сказывается и на содержании, и на стиле изложения и пропаганды социологических доктрин. Многие первые президенты Американского социологического общества вышли из религиозной среды и в основе их теоретических и реформаторских установок лежат этические традиции протестантизма. Знаменитые американские социологи конца XIX - начала XX века У. Самнер, А. Смолл, Д. Винсент, Э. Хайес, Дж. Лихтенбергер, У. Уитерли, Д. Джиллин начинали свою карьеру в качестве протестантских проповедников, а Л. Уорд, Ф. Гиддингс, У. Томас были выходцами из семей пресвитеров.

Социологические учения приняли относительно завершенную форму в духовной атмосфере просветительской десакрализации мира. Просвещение открыло, что вселенная лишена морального предназначения, что она движется по механическим траекториям и, следовательно, мертва. В ней нет ничего, кроме материала, ждущего преобразования и усовершенствования уже не к вящей славе Господней, а во имя «гуманных» целей в мире, где бог существует лишь в той степени, в какой он социально полезен. Рациональность мироустойчивости утратила божественное предназначение и глубину самодостаточности, стало силой, потенцией, энергией, преобразующей социальный материал в соответствии с принципами «справедливости», «свободы» и

«равенства». Природа же оказалась не храмом, а мастерской.

Так возникла социологическая задача создания «Нового мира», основанного на *рациональном активизме* - энергичном вмешательстве активного разума в существующий порядок вещей. Замысел знания сместился с «вечных истин», до которых разум может возвыситься лишь путем созерцания, очищения от грязи заблуждений и аффектов, на активную силу интеллекта, формирующую мир по точно рассчитанному проекту. «Социальность» как рационально обоснованный проект жизнеустройства заменила благолепие «града земного».

Механистическая картина мира, основанная на универсальном представлении о силовом взаимодействии масс, требовала измерительного инструментария для исчисления траекторий движения тел. «Силам» подчинились и тела физические, и тела общественные, а сознание оказалось лишь *tabula rasa* с запечатленными отображениями вещей. Так возникла идея «социальной физики», предопределившая тематическую программу социологии. Адольф Кетле, бельгийский астроном и математик, вывел законы «общественного тела» из возможности их статистического наблюдения. «Это великое тело, - писал он, - существует в силу консервативных начал, как все, что вышло из рук Всевышнего; оно обладает своим лицом, как самое высшее из органических существ. Приняв самый общий взгляд на это существо, мы обнаружим в нем законы столь же постоянные, столь же неподвижные, как законы, управляющие небесными телами; мы имеем дело с физическими явлениями, в которых свободный произвол человека совершенно исчезает и остается только дело рук одного Творца. Совокупность этих законов, существующих вне времени, независимо от капризов человека, составляет *науку особого рода*, которую я назвал *социальной физикой*».

На становление доктринального социологического стиля существенное влияние оказала атмосфера романтического подвижничества и энтузиазма, свойственная новоевропейской идеологии обновления. Влияние *романтизма* на формирование социологической программы наиболее отчетливо просматривается в той ее традиции, которая изначально была сопряжена с психологизмом - стремлением понять тайные движения души, малую вселенную, противостоящую мерному ходу истории. Идея самоценности личности, остроты жизни с тех пор не покидала социологическую топику, даже если и не вполне отвечала критериям строгой научности. Контроверза «живой жизни» и «бездушной схемы» возникала всякий раз, когда социология входила в фазу методологического кризиса. В начале XX века неокантианцы Г. Риккерт и М. Вебер противопоставили концепцию «идеального типа» «переживанию действительности», а на исходе столетия эта проблема обнаружила себя в виде атаки на аналитический аппарат социологии с позиций «качественной методологии».

2. Социальные обследования

<...>

Если «высокие» социологические учения устремлены к последним истинам, социальные обследования ставят своей преимущественной целью как можно более полное описание социальных групп, образцов культуры, политических настроений и т. п. Это направление социологии считается более близким к жизни, чем «высокие» теории.

Академическая социология вплоть до начала XX века имела очень мало общего с социальными обследованиями, которые проводились не столько с научными целями, сколько для того, чтобы привлечь вни-

мание общественности к «социальным проблемам», требующим беззастенчивых реформ. Английское слово «survey» обозначает также официальную инспекторскую проверку положения дел в какой-либо области.

Понятие «социальные проблемы» сформировалось в начале XIX века в контексте реформистской идеологии. Под социальными проблемами имелись в виду нищета, преступность, заболеваемость, проституция, неграмотность и т. п. «Движение за социальные обследования» («social survey movement»), было значительно усилено социалистическими идеями, чрезвычайно популярными в образованных кругах Европы и Америки. Социология и социализм шли в то время рука об руку.

Сбор сведений о хозяйственной и общественной жизни восходит к статистическим описаниям государственных учреждений. В 1598 году Джон Стоу описал здания, церкви, школы, обычаи елизаветинской Англии. Через два века бедфордский шериф Джон Ховард предпринял уникальное обследование тюремных учреждений Англии и Уэльса. Ховард не только дал количественный анализ тюрем во всех графствах, но и подробно проанализировал питание, одежду, труд заключенных, санитарные условия их содержания. Ховард посетил также все тюрьмы Франции, Германии, Швейцарии и Голландии и дал их сравнительное описание.

В первой половине XIX века библиотека социальных обследований насчитывала уже десятки изданий. Особенно много писали о положении промышленного рабочего класса. Один из таких трудов, выполненный на основе личных наблюдений и статистических отчетов фабричных инспекторов, принадлежит Ф. Энгельсу - «Положение рабочего класса в Англии» (1844-1845 годы).

Классическое социальное обследование было осуществлено английским предпринимателем Чарльзом Бутом, который изучил условия жизни в Лондоне. Его работа «Жизнь и труд населения Лондона» занимает 17 томов. Она оказала серьезное влияние на методологию и тематическую программу социальных обследований в Европе и Америке. Большинство социологических проектов начала XX столетия было выполнено в рамках канонических заданий Бутом. Бут исходил из идеи, что основным критерием социальной структуры общества и городской агломерации является величина дохода. Бут установил концентрическую структуру города, предвосхитив тем самым знаменитую зональную гипотезу Э. Берджесса, и ввел в методологию социальных обследований технику картографирования - он раскрашивал лондонские кварталы в различные цвета в зависимости от дохода их жителей. Три года Бут жил среди бедноты и провел тысячи личных интервью. В частности, его отчет о состоянии религиозности в Лондоне основан на 1800 интервью.

Десятки социальных обследований начала XX века представляли собой более или менее точные аналоги бутовских описаний. Заметный шаг вперед был сделан статистиком Сиботом Раунтри, который в 1910 году изучил распределение семейных бюджетов в небольшом английском городе Йорке.

Одно из наиболее значительных достижений в методологии социальных обследований принадлежит Джону Боули - математику из Лондонской высшей школы экономики и политических наук. В 1912 году группа муниципальных деятелей обратилась к нему за консуль-

тацией по поводу изучения рабочего класса. Поскольку средства были ограничены, Боули предложил метод выборочного обследования на основе списка домохозяйств. В 1920 годы было проведено массовое обследование по методике Бута-Боули. Оно получило название «Новое обследование жизни и труда» и включало сведения о транспортной системе Лондона, учреждениях образования, промышленности, свободном времени, социальной организации, употреблению спиртных напитков и правонарушениям.

В XX столетии социальные обследования все чаще принимали форму многократного сбора данных через определенный промежуток времени. Впоследствии они получили название лонгитюдных. Изучению нравов и мнений британцев была посвящена серия крупномасштабных исследований общественных настроений под руководством Х. Уилкока «Массовое наблюдение» (1937 год). Сначала 37 добровольцев производили подробные записи обо всем, что видели и слышали в определенный день - именно 12 февраля. Затем обследование стало производиться ежемесячно - работали уже больше тысячи добровольцев-наблюдателей, которые изучали общественные настроения в период второй мировой войны. Тематический репертуар «Массового наблюдения» включал такие сферы общественного сознания, как искусство, наука, кино, религия, потребительские предпочтения, астрологию, пацифизм и т. п. В 1948 году можно было сравнить результаты трех этапов «Массового наблюдения».

В Соединенных Штатах социальные обследования первоначально проводились без какой-либо связи с университетской научной традицией. Одна из первых такого рода разработок - обследование В. Дюбуа «Филадельфийский негр». В течение 15 месяцев Дюбуа собирал сведения о жилищных условиях, работе, доходах и образовании негров в Филадельфии. Суммарное количество обследованных составило 9 тыс. человек. Это была первая работа по расовой проблематике, открывшая важное направление социальных обследований.

Широкую известность получило социальное обследование Питтсбурга, проведенное в 1909-1914 годах Полом Келлогом. Им были собраны подробные сведения о занятости рабочих в сталелитейной промышленности Питтсбурга, их доходах, состоянии здоровья, условиях труда и быта, качестве жилища, образовании, уплате налогов, преступности, отдыхе. Если проект Бута был направлен на изучение проблемы бедности, то американские «сервейеры», скорее, работали в жанре «социального портрета» - они старались узнать как можно больше интересного обо всем.

Масштабы «Спрингфилдского обследования», которым руководил Шелби Харрисон, превышали все достигнутое ранее. В 1912 году Фонд Расселл Сейдж создал Отдел социальных обследований и общественного наблюдения. За три месяца до опроса в Спрингфилде (штат Иллинойс) развернулась шумная газетная кампания по выявлению «социальных проблем». В проект включились все жители города, каждый из которых внес в фонд проекта 10 центов. Кроме того, в работе участвовали тысячи добровольцев.

Характерно, что никто из «сервейеров» не ставил вопрос об искажающем влиянии исследовательского энтузиазма на качество данных. Наоборот, целью обследования было вызвать общественный резонанс. «Установить факт - это только начало дела, первый шаг для

того, чтобы сделать факт эффективным, - писал К. Тейлор. - Завершающий шаг - это такая презентация факта, при которой вы обретаете уверенность, что он принят сообществом». К 1928 году в США было проведено 154 «общих» обследования и 2621 специализированное.

В ранней американской социологии обследование (survey) связывалось преимущественно с инженерной ориентацией и воплощало идеалы «Американской мечты». Социальное обследование служило своеобразной формой артикуляции социальной утопии. «Вне утопического видения исследовательских задач и воодушевления, возникающего в предвосхищении будущего, основная цель обследования недостижима», - писала К. Ароновичи. Впоследствии, когда в методологии социальных наук возобладал позитивистский идеал строго незаинтересованного знания, утопическая эйфория была вытеснена по крайней мере в «подсознание» социологии. В. Томлинсон справедливо замечает, что стремление социолога усовершенствовать организацию общества часто противоречит квалифицированной исследовательской работе, которая заключается в том, чтобы преобразовать страсть доброхота (do-gooder) в компетентность фактофиксирующего анализа.

Академическая социология, сложившаяся в конце XIX - начале XX века, дистанцировалась от массовых обследований и развивалась в русле теоретических доктрин. Новый этап развития социологической методологии связан с Чикагской школой, наиболее продуктивный период деятельности которой приходится на 1920-е годы. Важной чертой чикагского методологического стиля является стремление к точному эмпирическому описанию процесса социальной дезорганизации на индивидуальном и социетальном уровнях. Впервые в истории науки чикагские социологи стали систематически использовать включенное наблюдение, неструктурированное интервью, личные документы и т. п. Комплекс многообразных описаний какого-либо фрагмента городского сообщества получил название *case study* - исследование случая. При этом «микроскопический» анализ мотивов поведения человека совмещался с теоретической концепцией города как функциональной системы, которую развивал лидер школы Роберт Парк. *Case study* напоминало сенсационное журналистское расследование. Парк придавал исключительное значение информации, полученной из первых рук. Бывший редактор провинциальной газеты, он был убежден, что социолог - это очень аккуратный, ответственный и научно подготовленный репортер.

В основе *case study* - неструктурированное интервью. Оно часто использовалось работниками социального обеспечения и психологами, но в массовых опросах предпочитались «вопросники», подлежащие кодированию. В 1920-е годы «интервью» отчетливо отделялось от вопросника. Неструктурированные методы сбора данных в сочетании с экспериментом использовали в пригороде Чикаго Хоуторне Ф. Реллисбергер и Дж. Диксон. Р. Ликерт, П. Лазарсфельд, Р. Мертон и П. Кендалл изучали с помощью неструктурированного интервью установки, потребительское поведение и массовую коммуникацию. Интервью ассоциировалось с неструктурированным интенсивным изучением небольшого числа случаев, а «вопросник» предназначался для статистического анализа. В годы войны, когда значительное развитие по-

лучил контент-анализ (в связи с изучением враждебной пропаганды), были предприняты попытки квантификации неструктурированных опросных сведений.

Характерны объекты исследовательского интереса чикагских социологов. Это жизнеописание польского эмигранта (У. Томас и Ф. Знанецкий), ставшее классическим образцом «истории жизни»; положение негров в Чикаго (Ч. Джонсон); бродяги-сезонные рабочие, мигрирующие на Запад (Н. Андерсен); дезорганизация семьи (Э. Маурер); молодежные группировки и банды (Ф. Трешер); самоубийства (Р. Кейвен); еврейское гетто (Л. Вирт); социально-территориальная стратификация города - «Золотой берег и трущобы» (Х. Зорбау); платные танцзалы (П. Кресси); внутренняя жизнь гостиниц (Н. Хайнер), организованная преступность в Чикаго (Дж. Ландеско), история жизни преступника - «Джек-роллер» (К. Шау); забастовка (Э. Хиллер), община русских молочников (П. Юнг). Таинственный мир «социальных проблем» открывался чикагским исследователям примерно так же, как экзотическая культура антропологу.

Парк и его коллега Эрнест Берджесс трактовали город как гигантскую лабораторию, в которой осуществляется естественное экспериментирование над человеческим поведением. В этом отношении чикагская методология осуществила переход от case studies к научному социологическому анализу с использованием методов экспериментальной проверки гипотез. Эта линия получила развитие уже в Колумбийской социологической школе. Статистические методы в инструментарии социологических исследований окончательно возобладали в 1940-е годы. В 1941 году вышел первый учебник статистики для социологов, большое значение стало придаваться и оценке репрезентативности данных. Case studies были оттеснены на периферию социологической методологии. Эталоном научного социологического исследования со временем стал планируемый эксперимент, планы которого были разработаны Дональдом Кэмпбеллом. Стремление к естественнонаучным лабораторным реконструкциям социальных процессов сочеталось в Чикагской школе с неокантианской установкой на понимание рационального смысла, который вкладывает индивид в свои действия. В противоположность бихевиористам Парк считал, что связь между стимулом и реакцией в человеческом поведении опосредована смыслополаганием индивидуального действия.

В начале 1940-х годов Э. Берджесс попытался осуществить репликат (повторение) проекта Р. Энджелла по изучению семьи в условиях кризиса. Его цель заключалась в том, чтобы проверить надежность метода «исследования случая». Хотя в работе над репликатом принимали участие опытные социологи, в том числе Р. Мертон и сам Р. Энджелл, надежность его результатов была оценена невысоко. При повторении проекта использовались статистические методы, строгие схемы анализа данных, поэтому репликат не вполне соответствовал методологической манере «исследования случая». Работа не была опубликована и к 1945 году интерес к подобного рода исследованиям угас.

В конце XX века «исследования случая» обрели новую жизнь. То, что имеется в виду под «исследованиями случая» зависит от понимания традиционных количественных методов. Например, А. Лиджфарт полагает, что «исследование случая» существенно отличаются от ис-

следования многих «случаев» - последний методологический подход обозначается как компаративный. Дж. Митчелл определяет «исследование случая» как подробное изучение события, которое иллюстрирует общий принцип. В монографии Дж. Фиджина, А. Орума и Г. Сьоберга «исследование случая» трактуется как глубинное, всестороннее изучение единичного социального феномена с использованием качественной методологии. Качественно обогащенная, жизненная социология противопоставляется стандартной современной «журнальной социологии» американского образца. Одна из причин популярности «исследований случая» связана с распространением паранауки и ослаблением внутреннего нормативного контроля в профессиональном сообществе.

Рост популярности массовой периодической печати в конце XIX-начале XX века обусловил возникновение еще одного вида социальных обследований - опросов аудитории органов массовой информации. Первоначально они получили наименование «соломенные опросы» (straw polls). Впервые сообщение о «соломенном опросе» появилось в 1824 году в Вилмингтоне (штат Делавэр), а затем в Северной Каролине (газета «Стар» может считаться пионером этого начинания). Систематические опросы были проведены «Бостон Глоб» (1883 год), «Нью Йорк Геральд» (1908, 1912 и 1916 годы). Бланк опроса публиковался на газетной полосе и читатель должен был заполнить его, вырезать и послать в редакцию. Хотя сведения публиковались в виде процентных распределений, какие-либо соображения о качестве данных отсутствовали. Исключение составила попытка газеты «Диспэтч» (Колумбус, Огайо) собирать мнения с помощью группы распространителей напечатанного бюллетеня. Это была первая попытка систематической организации полевого интервьюирования, в том числе отбора респондентов по полу, возрасту, профессии и месту проживания. К середине 1940-х годов получили известность опросы «Миннеаполис Стар Джорнэл энд Трибьюн», газет «Ивнинг Бюллетин» в Филадельфии, «Вашингтон Пост».

В 1920-е годы опросы аудитории газет и журналов приобрели огромную популярность. Только в ходе президентских выборов 1928 года было проведено 85 «соломенных опросов». Хотя в центре внимания находились выборы, собирались сведения о самых разных сторонах жизни американцев. Еще во время Первой мировой войны возникла тема об участии США в боевых действиях. Конгрессмен Э. Лэндин разослал своим избирателям 54 тыс. бюллетеней и, получив 8800 ответов, установил, что 90% - против вступления страны в войну. Впоследствии появились невиданные вопросы: «Живете ли вы лучше или хуже, чем в прошлом году?», «Простужались ли вы зимой?», «Каковы причины того, что многие супруги не заводят детей?».

Особый интерес вызывали опросы избирателей (polls) и попытки предсказать исход голосования. В 1912 году опрос по поводу предстоящих президентских выборов впервые провел «Фарм Джорнэл». В 1916 году начал массовые предвыборные опросы еженедельник «Литерэри Дайджест». Он стал беспспорным лидером в опросах избирателей. «Дайджест» рассылал по почте миллионы бюллетеней и довольно точно предсказывал результаты президентских выборов. Обычный возврат вопросников составлял 25%. В 1932 году итог вы-

боров был предсказан с точностью до 1,4%. Триумф продолжался до 1936 года, когда метод почтового опроса был признан ошибочным.

Начался новый этап обследований, связанный с проектированием репрезентативных выборок. Социологи, специализировавшиеся на массовых опросах избирателей, стали называть себя *поллстерами* (pollsters). В этой области получила широкое развитие техника полевого интервьюирования, включая wording - экспериментирование с формой вопросов. Институт общественного мнения Дж. Гэллага (организован в 1935 году) нашел способ многоступенчатого вероятностного выборочного обследования с максимально точным прогнозом.

В журнале «Форчун» опросы проектировали Пол Черингтон и Элмо Роупер. Особенно важен вклад Роупера в изучение влияния формулировок вопросов, типов аргументации и установки на высказывание мнений. На выборах 1936, 1940 и 1944 годов Роупер предсказал итог с точностью до 1%. В 1948 году, в сентябре, Роупер ошибочно предположил, что структура предпочтений установилась, хотя 15% избирателей не определили свой выбор, и дал оценку, отклоняющуюся от истинной на 12%. Это поставило проблему динамики избирательных предпочтений, которая была впоследствии изучена П. Лазарсфельдом, Б. Берельсоном и Х. Гуде. В 1936 году была создана опросная фирма Арчибалда Кроссли, который получил широкую известность как мастер композиции интервью и изобретатель контрольных вопросов. Он же установил периоды, когда различные категории избирателей принимают решение о голосовании. В 1941 году в США создан Национальный центр по исследованию общественного мнения. Здесь опросы проектируются университетскими социологами и осуществляются с помощью разветвленной сети интервьюеров. К 1946 году общенациональные распределения основывались обычно на трехтысячной стратифицированной случайной выборке. Такая структура в основных чертах сохранилась до нынешних дней.

К середине XX века в рамках социальных обследований и массовых опросов выделились *маркетинговые обследования*. Работа была начата Генри Линком, который создал проект «Брэнд Барометр» для изучения потребностей домохозяйек. В 1926 году «Дженерал Фуд Корпорейшн» сформировала панель для того, чтобы узнать, нравится ли людям производимый их фирмой джем. Началось изучение аудитории радиовещания и иных форм массовой информации. Последнее направление связано с работой Г. Лассуэлла, С. Стауффера, П. Лазарсфельда и Б. Берельсона. Созданные ими техники анализа содержания массовой коммуникации (контент-анализ) и пропаганды стали основой самостоятельного направления в социологии и социальной психологии.

3. Социологические исследования: правила научного метода

<...>

Возникновение методологии социологических исследований стало возможным на пересечении академической социологической теории, практики массовых социальных обследований и техники экспериментальной проверки гипотез. Поворот от социальных обследований к социологическим исследованиям почти незаметен: первостепенный интерес стали вызывать не сведения о жизни и не «паблисити» проекта, а универсальная связь между отдельными переменными. Восприняв математико-статистический аппарат, социология восприняла и нормы экспериментальной науки.

Наиболее существенный вклад в формирование «объективного метода» в социальных обследованиях внесли эксперименты по шкалированию установки, которые впервые были осуществлены Э. Богардусом и Ф. Олпортотом в 1920-е годы. Эта традиция со временем привела к противопоставлению «качественных» описаний случаев и количественных методов проверки гипотез.

Социологические исследования отличаются от социальных обследований прежде всего по цели: в первом случае целью работы специалиста является знание как самодостаточная ценность, во втором случае ценность достигаемых результатов определяется их информативностью и полезностью для общества. В первом случае наибольшее значение имеет достоверность, во втором - информативность. Данные массовых опросов получают признание (и финансирование) в обществе лишь в том случае, если они вызывают интерес общественности, либо правящих кругов. Даже самая высококачественная информация, полученная в процессе обследований, быстро устаревает и теряет ценность. Поэтому «сервейер» стремится обогнать сегодняшний день и обеспечить «свежие» данные. Критерий, используемый исследователем, несколько иной - знание считается качественным до тех пор, пока оно не опровергнуто новыми данными.

Социологические доктрины, социологические обследования и социологические исследования - три основные методологические стили в социологии, - как уже говорилось, характеризуют преимущественные ориентации исследователей и в чистом виде существуют редко. Даже самые абстрактные социологические доктрины содержат ссылки на факты и обстоятельства, иллюстрирующие авторскую мысль. Использование организованных данных требует уже более осторожно-го обращения с идеями. Преобладание информационного компонента присуще социальным обследованиям. Но идеи не уходят, поскольку без связующего теоретического контекста факты теряют смысл и картина мира рассыпается. Социологическое исследование, ограничивающее свой предмет четко поставленными гипотезами и использующее строгие методы обоснования научного вывода, также содержит метафорический компонент. Он выражается прежде всего в концептуальном лексиконе и риторике исследования, выборе релевантных переменных и интерпретации данных. Таким образом, «качественный» дискурс в социологии создает смысловой фон, на котором приобретают устойчивые очертания проекты измерений.

Самый общий взгляд на социологическую методологию заключается в вопросе «Как проводить исследование?». Методолог вынужден абстрагироваться от предмета исследования - от «что?» - и обратиться к нормам, регламентирующим процесс получения научного знания, - к «как?». Поскольку под собирательным термином «социология» имеются в виду не только теории в собственном смысле слова, но и различные «дискурсы», в том числе «идеологии», общепринятых норм социологической методологии не существует. Всемирный социологический конгресс 1990 года в Мадриде прошел под девизом «Много социологий для одного мира». Даже если это и так, многочисленные «социологии» свидетельствуют о разочаровании в возможности найти один-единственный правильный путь к истине.

В основании новоевропейской научной методологии лежит сформировавшееся в XVII веке убеждение в том, что существуют одно-

значно интерпретируемые правила, следуя которым, можно прийти к результату исследования: из всех возможных путей к истине ведет один, все остальные ведут к заблуждению. В современной науке понятие методологии приобрело черты неопределенности и не соотносится с ясными и отчетливыми истинами. Под методологией понимаются правила, согласно которым происходит принятие либо отбрасывание теорий и исследовательских программ. Во-первых, эти правила функционируют в качестве *кодекса научной честности*, во-вторых, выполняют функцию жесткого ядра нормативной (биографической) *исследовательской программы*.

В центре внимания методолога находится вопрос: почему именно эти факты, а не другие, были выбраны в качестве предмета исследования? На этот вопрос можно ответить, исходя либо из «внутренней» (интерналистской) теории рациональности, либо из внешних - социальных - обстоятельств, сопряженных с формированием исторически определенного корпуса знаний. В этом отношении наука Галилея несопоставима с наукой Эйнштейна. В основе научного знания лежит не всегда артикулированное мировоззрение, миф, в соответствии с которым формируются теоретические постулаты и «позитивные эвристики», определяющие значимые темы исследования, корпус гипотез и подтверждающих примеров. Все это охватывается понятием «исследовательская программа», предложенным И. Лакатосом. Исследовательская программа, состоящая из «жесткого ядра» и «защитного пояса», обеспечивает относительную автономность научной теории как от решающих экспериментов, так и от социальных обстоятельств воспроизводства знания.

Когда Томас Кун предложил использовать понятие «парадигмы», он имел в виду некую когнитивную модель, взаимодействующую с социальным измерением науки. Эта когнитивная модель последовательно проходит состояния «нормальной науки» и «научной революции». В дальнейшем контекст использования понятия «парадигма» значительно расширился. Оно стало рассматриваться не как когнитивная, а наоборот, как социальная характеристика, обозначающая «согласие установок» ученых. Отсюда вытекает предположение о высокой степени консенсуса, присущей «парадигматическим наукам» - например, физике и химии, а социология и политология находятся, в соответствии с этой точкой зрения, на допарадигматической стадии развития.

Сциентистский взгляд на науку исходит из неявного предположения, что знание не зависит - в принципе - от личных качеств людей, занятых в этой области. Ни социально-исторические обстоятельства, ни биографические подробности, ни даже преемственность научных школ не объясняют возникновение идеи. Знание (эпистема) выступает в качестве общезначимой и самодостаточной сферы деятельности, по отношению к которой внеученные реалии могут в лучшем случае рассматриваться как сопутствующие. Иной подход задан социологией знания. Знание здесь перестает быть «монадой» и выводится из неких «более объективных обстоятельств», будь это «аппетиты» (у британских моралистов XVII века), социальное положение личности (у О. Конта и К. Маркса), антропологические характеристики (у А. де Гобино). Во всех этих случаях методология науки включает в себя помимо идей жизненную историю ученых и описание современной им

«общественности», причем предполагается высокая корреляция между внутринаучным и внеаучным измерениями.

Что касается социологической методологии, то она в значительной степени является рациональной реконструкцией «духа времени» и зависит как от личной биографии ученого, так и от общественных отношений.

Положение дел проясняется при обращении к социальным ролям социолога. Социолог может играть роль *исследователя* - и тогда он обязан принять к исполнению нормы науки как рационального дискурса, независимого от интересов и ценностей. Обслуживание определенных интересов - корпорации, партии, институтов политической власти, частных лиц - заставляет социолога мыслить совершенно иными категориями, чем «научный» исследователь: он должен производить не новое знание, а обеспечивать эффективные решения. Не касаясь случаев, когда социолог сам становится лицом, принимающим решения, обозначим эту его роль как роль *консультанта*. Часто социолог принимает многообразные роли публициста и ставит своей целью влиять на общественность. С этими ролями сопряжена роль *идеолога* - социолог вырабатывает предписания относительно общественного сознания. Пытаясь произвести впечатление на профессионально неподготовленную публику, социолог волей-неволей превращается в *демагога* и софиста (эти слова в данном случае не обязательно имеют уничижительный оттенок). Роль пророка является светской имитацией религиозного визионерства. Так или иначе, социология связана с выполнением миссии *интеллектуала*, либо интеллигента, посвятившего свою жизнь служению гражданским и этическим ценностям. Из всех возможных методологий - публицистических, идеологических, пророческих - нас будет интересовать социологическая методология, основанная на универсальной научной процедуре.

Закономерный вопрос: каких социологов больше? К. Кнорр в своем обследовании 1973-1974 годов распределила 624 обществоведа Австрии на три типа в зависимости от предпочитаемой методологии. «*Диалектики*» - это те, кто сами не проводят наблюдений и экспериментов, не пользуются статистическими процедурами, преимущественно рассуждают и лучшей оценкой для себя считают «проницательность». «*Эмпирики*» используют измерения взаимозависимостей и аналогичные расчеты, чтобы продемонстрировать полученные результаты. «*Аналитики*» - те, кто использует чисто математические исчисления, например, уравнения и линейную алгебру. В итоге историки и политологи получили низкую оценку методологического консенсуса. Методологию, которой свойственна неясность концептуальных подходов, К. Кнорр назвала «качественной». Социологи и психологи оказались по преимуществу эмпириками, а экономисты - аналитиками. Гипотеза о возрастании консенсуса в научном сообществе по оси «диалектики» - «эмпирики» - «аналитики» подтвердилась: консенсус признали 80% «аналитиков» и ни один из «диалектиков». К. Кнорр ранжировала дисциплины по уровню методологического консенсуса: в истории индекс составил 43,5%, в экономике - 33,7, в менеджменте - 28,8, в психологии - 24,5, в социологии - 17,1, в педагогике - 14,9, в политологии 10,5 и в урбанистике - 7,4. Вместе с тем, такие показатели методологического консенсуса, как ссылки на один и тот же ав-

торитет, по данным К. Коулмена, в социологии даже выше, чем в физике.

Ежегодное собрание Американской социологической ассоциации, состоявшееся в 1962 году, перед Всемирным социологическим конгрессом в Вашингтоне, было посвящено «применениям» социологии («The uses of sociology»). Инициатором обсуждения этой темы был П. Лазарсфельд, который рискнул включить социологов в число «людей, делающих политику». В дискуссии о профессиональных ролях социолога на конгрессе выступил Эверетт Хьюз. Свой доклад он назвал «Социология и общественность». Хьюз напомнил дюркгеймовское понятие «вселенная дискурса», соотносящееся с коллективными представлениями, для того, чтобы кардинальным образом разделить профессиональный язык социологии и профанный язык общественности. Социолог обязан владеть первым - техническим - языком для общения с коллегами, обыденным языком - для изучения «общественности» и, кроме того, ему нужен третий язык - язык общественности, к которой он должен обращаться по поводу применения результатов социологических исследований. «Поскольку мы имеем дело с важными проблемами, люди ждут от нас чего-то важного, - говорил Хьюз, - это большое искушение».

Научная социологическая методология являет собой некий идеальный образец и отличить ученого от идеолога довольно трудно. Социальные роли часто «переключаются» без особых затруднений. Однако одна важная черта позволяет различить эти интеллектуальные роли. «Методология» публициста, идеолога и пророка представляет собой личное дарование, результат которого невозможно воспроизвести, Чтобы освоить христианскую социологическую методологию отца Сергия Булгакова, нужно быть отцом Сергием Булгаковым. Ясно, что если социологи будут смотреть на мир с позиций своего личного уникального опыта, они вряд ли придут к единому мнению относительно предмета исследования, основных понятий и измерений, техники сбора данных, процедуры анализа. Результат исследования может быть воспроизведен при соблюдении стандартных правил научного вывода - этот принцип отличает науку от творчества. Можно ли написать второго «Дон Кихота», как это мечтал сделать борхесовский Пьер Менар? Нет. Для этого нужно быть Сервантесом и повторить его судьбу. А научная методология в числе своих основополагающих «как?» диктует отстранение от личного дарования и принятие технических, обезличенных норм производства знания. «Дон Кихота» написать еще раз невозможно, а «Американского солдата» - знаменитое исследование Самюэля Стауффера - повторить хотя и трудно, но можно.

Методологию социологического исследования сравнивают с технологическим процессом на фабрике. Здесь не имеют значения ни личные переживания, ни национальность, ни вероисповедание, ни пол, ни возраст, ни что-либо подобное, но только умение производить знание по правилам науки.

Если так, то научная идея представляет собой не любую сколь угодно глубокую мысль, а вывод, к которому могли бы прийти ученые, разделяющие исходные концептуализации и нормы исследования. Поэтому научное знание безлично и принадлежит, в конечном счете, профессиональному сообществу, иными словами «группе компетентности». Не случайно в научных работах принято писать: «Мы уста-

новили...», «нами доказано...». «Мы» - в данном случае не претензия на величие, а указание на неразличимость своего «Я» в равнодушной всеобщности умозаключений.

Применительно к социологии данное требование кажется слишком жестким. Действительно, социолог томистской ориентации придерживается принципиально иных концептуализаций и дискурсивных техник, чем марксист, и их обоих не захочет понимать бихевиорист. Все они представляют исключительный интерес для психоаналитика. Отсюда следует, что для сохранения единства исследовательской программы социологии имеет смысл хотя бы иногда отстраняться не только от пола, но и от теоретических убеждений (в той мере, в какой убеждения переросли в заинтересованность).

Что же остается? Остаются некоторые правила научного дискурса - матрица значений, за пределами которой нельзя говорить о рассуждении и понимании. Иногда эту матрицу называют научной парадигмой. Надо сказать, что она не лучше и не хуже других способов познания мира - чувственности, созерцания либо экзальтации. Просто наука не любит, когда к ней примешивается инородное, и сама ни к чему не примешивается, предпочитая независимость успеху.

Логические принципы научного исследования являются следствием принятия профессионалом определенных этических обязательств - правил получения и воспроизводства знания. Эти правила сводятся в функционалистской школе социологии науки к понятиям универсализма, общности, бескорыстия и организованного скептицизма. Н. Сторер раскрывает содержание четырех мертоновских постулатов научного этоса следующим образом: *универсализм* - это убеждение в том, что явления природы повсюду одинаковы и истинность утверждений не зависит от утверждающего; *всеобщность* предполагает, что знание является всеобщим достоянием и доступ к нему открыт для всех; *бескорыстие* означает, что ученый не должен использовать свои открытия для личной выгоды; *организованный скептицизм* - это ответственность каждого ученого за доброкачественную работу других и за предание гласности оценок работы коллег.

Цель социологической методологии заключается в обосновании генерализаций - общих суждений об определенной области действительности. Иногда обобщения могут быть выработаны без особой методологии. «Русские - терпеливы», «демократический строй обеспечивает права и свободы личности», «нравственность в Соединенных Штатах обратно пропорциональна тиражу газет» - эти высказывания могут оказаться истинными, либо ложными, но до тех пор, пока не будет развернута процедура их получения, ни о том, ни о другом нельзя судить с уверенностью. Здравый смысл апеллирует к примерам: человек вспоминает своего знакомого - русского, отличающегося весьма нетерпеливым характером. Но сколько бы примеров не приводилось, из них не возникнет генерализация - общее суждение о характере русских. Только в том случае, если соблюдены методологические правила вывода данного суждения, оно может считаться научным. Поэтому можно сказать, что необходимым критерием истинности генерализаций является методологическая правильность. Иными словами, исследователь обязан не просто декларировать, а доказать, что русские - терпеливы, демократия обеспечивает права и свободы личности, а нравственность каким-то чудным образом сопряжена с чтением газет.

Разумеется, сколь угодно тщательное научное доказательство не является гарантией истинности общезначимого суждения. Истина в последней инстанции провозглашается только провидцами и пророками - теми, кто исходит из сверхъестественного дара и способности к откровению. Наука имеет мало общего с пророческим жанром и занимается, в основном, предпоследними истинами, которые рано или поздно можно опровергнуть. Более того, нормы и идеалы научного исследования предписывают систематическое опровержение установленных генерализаций, поиск таких фактов, которые противоречат общепринятому мнению. Это и есть та норма, которую Р. Мертон назвал организованным скептицизмом. Таким образом, наука развивается посредством опровержений своих собственных истин, однако этот процесс совершается в рамках определенной системы эпистемических норм, регламентирующих научный вывод.

Как происходит «легитимация» эпистемических норм науки - вопрос особый. В своей повседневной жизни люди постоянно объясняют происходящее на основе здравого смысла, не особенно задумываясь над обоснованием своих умозаключений. В принципе социолог решает аналогичные задачи, пытаясь объяснить, почему события происходят в определенной последовательности. Однако научное социологическое объяснение принципиально отличается от суждений здравого смысла тем, что должно быть выведено из общих закономерностей, установленных на основе объективных правил логического доказательства. Здесь работает уже не личный опыт распознавания и предвидения, а безличная процедура обоснования общезначимых заключений, которые могут быть воспроизведены при соблюдении заданных условий. Эта процедура обладает неизмеримо меньшими возможностями, чем суждения здравого смысла и поэтому социологи часто апеллируют в своих выводах к критерию правдоподобия. Вместе с тем здравый смысл склонен неоправданно расширять область своего применения и, главное, чрезмерно зависит от того, что хотелось бы считать истиной. В данном пункте наука и здравый смысл могут оказаться несовместимыми.

<.....>

Список литературы

1. Арон Р. Этапы развития социологической мысли / Пер. с фр. М.: Издательская группа «Прогресс-Универс», 1993.
2. Комаров М. С. Введение в социологию: Учебник для высших учебных заведений. М.: Наука, 1994.
3. Маслова О. М. Исторический очерк становления метода опроса // Методы сбора информации в социологических исследованиях. Кн. 1. Социологический опрос / Отв. ред. В. Г. Андреенков, О. М. Маслова. М.: Наука, 1990. С. 11-38.
4. Монсон П. Современная западная социология: Теория, традиции, перспективы / Пер. со швед. СПб.: Нотабене, 1992.
5. Очерки по истории теоретической социологии XIX - начала XX веков: Пособие для студентов гуманитарных вузов. М.: Наука, 1994.
6. Тернер Дж. Структура социологической теории / Пер. с англ; Общ. ред и вступ. статья Г.В. Осипова. М.: Прогресс, 1985.

7. *Хвостов В. И.* Социология: Введение: Исторический очерк учений об обществе. М.: Издание Московского научного института, 1917.

Геннадий Семенович Батыгин

д.ф.н., профессор, главный научный сотрудник Института
социологии РАН
главный редактор «Социологического журнала»,
Москва
